

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Мое прошлое отношеніе къ миссіонерству и настоящее.

Въ сентябрѣ 1856 года я твердилъ: алифъ, би, ти, си, джимъ и прочія буквы татарскаго алфавита. При первыхъ холодахъ, когда у насъ въ 1 классѣ Астраханскаго духовнаго училища оказался угарь, я въ корридорѣ твердилъ: султанъ, султанюнъ, султанга, султани, султынъ, берлянъ, иля, данъ. Въ четвертомъ классѣ мы уже переводили Евангеліе, по книгѣ in quarto: Айса ругданъ еблизданъ емтиханъ... Будучи въ богословскомъ классѣ Астраханской Семинаріи, я зарабатывалъ деньги перепискою словаря татарско-персидскаго, составленнаго учителемъ гимназіи Первушинымъ, который научилъ меня и тому, какъ выводить каллиграфически арабскія буквы и чинить калямъ, т. е. камышевое перо, чтобы погуще были нѣкоторыя конечныя буквы, напр., нунъ ¹⁾).

Учасъ въ Академіи арабскому языку и практикуясь у о. В. Т. Тимоѣева въ татарскомъ языкѣ, я долго не соглашался съ принятою въ Казани транскрипціею татарскихъ словъ русскимъ шрифтомъ, потому въ особенности, что для глазъ моихъ приставныя части (суффиксы и префиксы) были какъ-то неуловимы, ибо прежде я въ буквахъ, напимбръ, въ ляръ, ясно видѣлъ признаковъ множественнаго числа, что для меня какъ-то не открывалось въ русскомъ шрифтѣ. Однако, я получилъ на экзаменѣ по противомусульманскому отдѣлу высшіе баллы.

Потомъ я поступилъ въ законоучители Казанской инородческой Семинаріи, подъ руководство знаменитаго

¹⁾ Благодарный родной Астраханской епархіи, я издаю „Астраханскій Сборникъ“, въ которомъ собрано мною много миссіонерскихъ свѣдѣній, относящихся въ Астраханской епархіи, особенно о просвѣщеніи калмыковъ.

ея Директора Н. И. Ильминскаго. Здѣсь volens-nolens всѣ мѣстные языки стали родными для меня. Мнѣ приходилось исповѣдывать чувашлятъ по-чувашски, черемислятъ по-черемисски и наслаждаться ихъ пѣніемъ 5 лѣтъ. Вѣрованія и бытъ ихъ мнѣ тоже приходилось изучать. Плодомъ этого изученія было изданіе статьи „Объ остаткахъ языческихъ вѣрованій у чувашъ“, составленной при помощи моихъ учениковъ. Пытался я написать, при помощи моихъ учениковъ, еще объясненіе на татарскомъ языкѣ хотя нѣкоторыхъ псалмовъ, но изъ этого ничего не вышло.

Послѣ 12 лѣтъ ректорства, сдѣлавшись Викарнымъ Казанскимъ Епископомъ и Предсѣдателемъ Братства Св. Гурія, я опять вошелъ во всю широту инородческаго дѣла, особенно чрезъ школьное воспитаніе инородцевъ. Съ отрадою могу сказать, что и устроеніе моимъ стараніемъ въ 1891 году 10 церквей и 10 школъ, по преимуществу для инородцевъ, на правительственныя средства—чрезъ Комиссію, которой я былъ предсѣдателемъ, не осталось безъ вліянія на дѣло духовнаго просвѣщенія 20-ти мѣстностей, населенныхъ инородцами.

Переведенный въ Архангельскъ, я вращался тамъ среди самоѣдовъ, кореловъ, лапландцевъ и зырянъ, какъ милыхъ и дорогихъ мнѣ пасомыхъ. Все, что я видѣлъ и чему я научился въ Казани за 23 года, я вскорѣ приложилъ къ дѣлу тамъ. И вотъ явились азбуки: самоѣдская, лопарская, корельская и зырянская. А вскорѣ я былъ свидѣтелемъ того, какъ сотня корель, обѣдавшихъ со мною, послѣ освященія у нихъ храма, оставили меня съ однимъ приставомъ, удалившись слушать Евангеліе на ихъ родномъ языкѣ. Теперь корельское Евангеліе, а также и другія Евангелія на инородческихъ языкахъ Архангельской епархіи, изданы въ печати во множествѣ экземпляровъ.

Среди странствованій по матушкѣ Россіи, я на казенный счетъ изучалъ не только географію ея, но и на-

родности. Будучи въ Екатеринбургѣ, я при помощи свѣдущихъ людей составилъ азбуку Вогульскую и возбудилъ одного молодого человѣка изслѣдовать бытъ вогуль, что онъ и сдѣлалъ (Вл. Г. Павловскій) и былъ награжденъ за то степенью магистра богословія. Другой молодой человѣкъ занимался, по моему предложенію, изслѣдованіемъ самоѣдской жизни.

Живя въ Польшѣ, я пытался Казанскія тенденціи распространить и на поляковъ, но мои думы и начинанія встрѣтили тамъ одинаковое несочувствіе, какъ со стороны поляковъ, такъ и со стороны русскихъ, ибо темная агитация всѣ мои благія намѣренія окрасила въ какой-то зловѣщій фонъ. И я отступился отъ дѣла, почти не начавъ его, передавши свои записи о польскомъ языкѣ одному изъ Казанскихъ знатоковъ польскаго языка.

Возвратившись въ 1908 году въ родную мнѣ Казань, я отпечаталъ когда-то написанную мною замѣтку, подъ заглавіемъ: „Что такое Коранъ“? Въ первый день Пасхи 1909 года, я воспользовавшись одною хорошею книгою, написалъ статью: „О Магометѣ“¹⁾. Въ концѣ того же года я издалъ книжицу „О Коранѣ по Саблукову“. Кромѣ того, мною изданъ рядъ статей о миссіонерствѣ вообще и о черемисскихъ вѣрованіяхъ въ особенности. Для уясненія мѣръ воздѣйствія на черемисъ мною собирався Съѣздъ духовенства черемисскихъ приходоу, сужденія котораго напечатаны въ „Извѣстіяхъ по Казанской Епархіи“. Подобные Съѣзды были для сужденія о мѣрахъ воздѣйствія на чувашъ и татаръ въ г. Чебоксарахъ и въ г. Мамадышѣ. Кромѣ того, было еще собраніе въ Казани русскихъ свѣдущихъ людей, чтобы они высказали свои опытные взгляды на дѣло духовнаго просвѣщенія инородцевъ Казанской епархіи, въ связи съ тѣмъ, что уже дѣлается въ

¹⁾ Эти два листка переведены и изданы на татарскомъ языкѣ, а статейка „О значеніи Креста“ на языкахъ: чувашскомъ, черемисскомъ, татарскомъ и вотскомъ.

этомъ направленіи у насъ теперь. Кромѣ того, мною сдѣланъ былъ запросъ объ отношеніи къ христіанству язычниковъ епархіи, на что получилось множество интересныхъ отвѣтовъ¹⁾.—Будучи Казанскимъ Викаріемъ, я съ особенною любовію отдавался пріюту—школѣ инородческихъ дѣтей, которые славно и глубоко-отрадно оглашали своимъ пѣніемъ соборный храмъ Спасскаго монастыря. Эта давняя идея воскресла нынѣ во мнѣ съ бѣльшею силою. И вотъ я учредилъ два пріюта черемисскихъ дѣтей при Архіерейскомъ домѣ и при Седміозерной пустыни. Здѣшніе пріютяне учатся въ Образцовой школѣ при Семинаріи. Два изъ нихъ успѣли уже поступить въ Учительскую Семинарію, а третій готовится. Седміозерные пріютяне обучаются въ тамошней двухклассной школѣ и девять изъ нихъ мечтаютъ тоже объ учительской семинаріи, а иные даже и о церковно-учительской школѣ. Согласно моей настоятельной просьбѣ, такая же школа—пріютъ учреждена въ Зилантовомъ монастырѣ и учреждается въ Мирносицкой пустыни, а можетъ быть и въ Свѣяжскомъ монастырѣ, а также и въ Раиѣской пустыни.

Чтобы нѣсколько упрочить бытіе пріюта при Архіерейскомъ домѣ, я пожертвовалъ на него 1000 рублей и собралъ пожертвованій около 4000 руб. На прочіе пріюты: Седміозерный, Мирносицкій, Зилантовскій и при Крещено-татарской школѣ я далъ тоже по 1000 рублей. Большая часть означенныхъ суммъ упадетъ на черемисъ потому, что они менѣе просвѣщены и менѣе снабжены просвѣтительными средствами, нежели чувашы и татары, для которыхъ одна центральная Крещено-татарская школа имѣетъ величайшее значеніе, въ смыслѣ пріюта и обученія, такое, съ какимъ не могутъ сравниться всѣ вмѣстѣ взятые наши бѣдные и скромные пріюты, со включеніемъ

¹⁾ Въ Казанскомъ моемъ сборникѣ много миссіонерскихъ свѣдѣній за XVI, XVII и XVIII вѣка (стр. 65—121).

даже Унженскаго и всѣхъ прочихъ. За пять тысячъ рублей мною устроится церковь—школа въ татарской деревнѣ Баймурзиной.

Не думаю, чтобы все предпринимаемое мною имѣло особенно большое значеніе—само по себѣ. Но помня слово Господа и Спасителя нашего, часто провозглашаемое предъ лицомъ нашимъ: *„Такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоѵчки, яко да видятъ ваша добрая дѣла“*, я предполагаю, что когда нибудь видящіе наши малыя дѣла возревнуютъ о бѣльшихъ, а нѣкоторые и прославятъ Отца нашего небснаго и за то малое, что мы сдѣлали для малыхъ дѣтей нашихъ духовныхъ, ибо лучше мало, чѣмъ ничего: лучше кусочекъ пищи для голоднаго, нежели ничего; лучше нѣсколько капель воды дать умирающему отъ жажды, нежели ничего; лучше малыя Божія лампадки въ темныхъ уголкахъ, нежели безпросвѣтная полная тьма! Изъ сего явствуетъ, что наибольшая моя симпатія вообще и миссіонерская въ частности относится къ язычникамъ, какъ самымъ малымъ дѣтямъ великаго Царствія Божія на землѣ.

Къ сказанному слѣдуетъ еще присовокупить, что въ маѣ 1908 года я писалъ настоятелямъ церковнымъ и ихъ сотрудникамъ, чтобы они всячески усугубили свою проповѣдническую дѣятельность, возвѣщая слово христіанскаго ученія вѣрнымъ и невѣрнымъ, да всяко нѣкія спасутъ и Христу пріобрѣщутъ, да возбуждаютъ они къ проповѣди о Христѣ и всѣхъ своихъ пасомыхъ, ибо Христосъ ко всѣмъ рекъ: иже сотворить и научить, сей велиій наречется въ Царствѣ Небесномъ...

Потомъ я написалъ статью о всеобщемъ долгѣ заботливости объ обращеніи ко Христу язычниковъ. Наконецъ, было написано архипастырское воззваніе и къ самимъ инородцамъ, переведенное сначала только на языкъ черемисскій. Чтобы возбудить наибольшее число лицъ миссіонерскими вопросами, я написалъ для „Сотрудника Братства Свят. Гурія“ рядъ статей подъ заглавіемъ: въ мірѣ

мусульманства, о Бехаизмѣ, Апостолы Алтая, объ отпадении въ магометанство, изреченія Магомета, не вошедшія въ Коранъ, и многое другое, еще не отпечатанное. Наконецъ, я имѣлъ счастье издать прекрасную статью П. В. Знаменскаго: „Казанскіе татары“. Кромѣ того, для ближайшаго подготовленія всякаго рода матеріаловъ къ предстоящему Миссіонерскому Съѣзду мною была устроена Предсѣздная Комиссія, которая долгое время дѣйствовала сама по себѣ, подъ предсѣдательствомъ моего Викарія Пресвященнаго Андрея, со многими его сотрудниками, которые за симъ и воздадутъ слово о своихъ дѣяніяхъ.

Архіепископъ Никаноръ.

.....

Вопросъ о свободѣ совѣсти,

**какъ вопросъ не государственно-русскій, а всемірный:
научный и церковный.**

Вновь возникъ вопросъ о свободѣ совѣсти и страстно обсуждался онъ даже въ Государственномъ Совѣтѣ. И по обычаю вопросъ зтотъ остался нерѣшеннымъ, какъ и прежде. Должно думать, что онъ и впредь будетъ горячо обсуждаться и тоже останется нерѣшеннымъ. Почему? Потому, что это одинъ изъ вѣчныхъ міровыхъ вопросовъ.

Совѣсть это внутренняя совокупность явленій души, проявляющихся у всѣхъ людей, на какихъ бы ступеняхъ цивилизациі ни находились они. И такъ какъ состояній совѣсти столько, сколько людей, разсуждающихъ о ней, то, понятно, что всегда возможны разногласія о ней и споры, притомъ горячія, ибо явленія и состоянія совѣсти для всѣхъ близки, а для многихъ и священны, такъ какъ на явленіяхъ совѣсти обосновываются рѣшенія и дѣйствія воли, а также и религіозныя отношенія и проявленія.